

УДК 327(470: 479. 2)

Иванов Александр Гаврилович

доктор исторических наук, профессор, заведующий
кафедрой новой, новейшей истории
и международных отношений
Кубанского государственного университета
ivanov@kubsu.ru

Ivanov Alexander Gavrillovich

Doctor of History, Professor, Head, Chair of
Modern, Contemporary History and International
Relations of Kuban State University
ivanov@kubsu.ru

**ПОЛИТИКА РОССИИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ
В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ
МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

В статье анализируется политика Российской Федерации на Южном Кавказе в преддверии войны между Россией и Грузией в августе 2008 г. и после нее.

Ключевые слова: внешняя политика, Южный Кавказ, конфликт, безопасность.

**THE POLICY OF RUSSIA IN SOUTHERN
CAUCASUS IN THE CONTEXT OF
PROBLEMS OF INTERNATIONAL SECURITY**

The article analyses the policy of the Russian Federation in Southern Caucasus on the eve of the war between Russia and Georgia in August 2008 and after it.

Key words: foreign policy, Southern Caucasus, conflict, security.

Южный Кавказ всегда был и остается для России регионом исключительной важности. Его стратегическая значимость особенно возросла в последние годы в связи с обострением отношений между Москвой и Тбилиси и агрессией Грузии против Южной Осетии. Военное вмешательство России на стороне югоосетинского народа продемонстрировало всему миру, что Россия готова защищать свои интересы с помощью оружия.

После распада СССР Южный Кавказ стал ареной острейшей политической борьбы и конфликтогенным регионом. К нагорно-карабахскому конфликту, доставшемуся Армении и Азербайджану от горбачевской перестройки, добавились новые – между Грузией, с одной стороны, Абхазией и Южной Осетией, – с другой. Конфликты и то, что за ними последовало, продемонстрировали слабость центральной власти (в Баку и Тбилиси) и недовольство жителей «мятежных» районов прежним положением дел. По существу, раскол Грузии был реакцией бывших автономий (Абхазии, Южной Осетии) на развал СССР. Как справедливо отмечает С. Маркедонов, «после крушения СССР произошел первый передел границ некогда общего государства. Он не везде и не всегда был воспринят как легитимный. Распад Советского Союза по границам республик (представляющийся внешне логичным) вызвал неоднозначную реакцию внутри бывших автономных образований, для которых обретение национальной независимости экс-союзными республиками вовсе не было чаемым идеалом. Отсюда и этнополитические конфликты со своими победителями и побежденными» [1]. Что касается России, то для нее эти этнополитические конфликты были невыгодными, и в этой связи нельзя согласиться с мнением Дж. Гасанлы, который пишет: «Россия, не сумев в период распада союзного государства воспрепятствовать дезинтеграционным процессам, использовала возникшие конфликты, в том числе и нагорно-карабахский, как средство серьезного воздействия на политику государств Южного Кавказа. Стратегические задачи России состояли в стремлении ограничить влияние США и НАТО на развитие событий в странах Южного Кавказа, но это, в свою очередь, стало источником новой серии конфликтов на Южном Кавказе. В последние годы в политике России произошли определенные подвижки, но они еще не стали постоянной тенденцией. События августа 2008 г., приведшие к резкому обострению в российско-грузинских отношениях, оставили глубокий след в развитии Кавказского региона в целом, еще раз выявив опасность, которую могут представлять замороженные конфликты [2, с. 11-12]. Разжигание конфликтов не в интересах России, ибо это грозит дестабилизацией ситуации на неспокойном Северном Кавказе. Россия играла и играет роль главного посредника в урегулировании замороженных конфликтов, будь то Нагорный Карабах, Абхазия или Южная Осетия. Другое дело, что не все зависит от России; игроков на обширном пространстве Большого Кавказа более чем достаточно.

Южный Кавказ традиционно привлекает пристальное внимание таких акторов большой или региональной политики, как США, страны Евросоюза, Турция и Иран. Их интересы не всегда совпадают, а иногда и прямо противоположны (например, интересы США и Ирана). Турция – один из реальных региональных лидеров на Южном Кавказе и способна играть, как и Россия, главную роль в урегулировании конфликтов и обеспечении безопасности в регионе.

Россию и Турцию связывают тесные экономические интересы, что было подтверждено во

время визита Президента Российской Федерации В. Путина в Стамбул в начале декабря 2012 г. Объем торговли между двумя странами достиг внушительной цифры в 32 млрд дол. и может быть увеличен, как отметил В. Путин, до 100 млрд дол. Что касается политики, то здесь у обеих стран гораздо больше общих позиций, нежели разногласий. Это, в частности, подтвердили участники V Черноморского международного симпозиума «История и современные политические проблемы: взгляды и рекомендации», состоявшегося в Гиресунском университете (Турция) 6 – 7 декабря 2012 г., на котором присутствовали депутаты парламентов нескольких стран, представители исполнительной власти и академического сообщества. Они отметили значимость организации Черноморского экономического сотрудничества, заинтересованность стран и народов Черноморского бассейна в стабильности и прочном мире. Турция играет активную и стабилизирующую в целом роль на юге Кавказа, этом стратегически важном перекрестке Европы и Ближнего Востока. Россию не пугает тот факт, что Турция – член НАТО, в Москве с уважением относятся к независимой внешнеполитической линии Анкары, которая не всегда и не во всем совпадает с позицией Вашингтона [3, с. 173]. Разумеется, в отношениях между Россией и Турцией имеются разногласия, прежде всего по вопросу о судьбах народов Северного Кавказа. Но эти разногласия не в состоянии перевесить общий позитивный баланс многостороннего сотрудничества двух стран, в том числе в сфере внешней политики и дипломатии.

Ближайший союзник и партнер Турции на Южном Кавказе – Азербайджан. Президент Азербайджана И. Алиев умело выстраивает внешнюю политику страны, балансируя между Турцией, Россией, Ираном и США. Россия с пониманием относится к такой политике баланса, тем более что Азербайджан не собирается вступать в НАТО или размещать на своей территории американские базы.

В нагорно-карабахском конфликте, пожалуй, самом болезненном из всех конфликтов на Южном Кавказе, Россия занимает сторону Армении, своего стратегического партнера и союзника. Формально замороженный, этот конфликт при неблагоприятных обстоятельствах способен перерасти в крупное противостояние регионального масштаба. С учетом этого необходимо его разблокировать, выработать некие неформальные обязательства конфликтующих сторон решать спорные вопросы в рамках политического диалога [4, с. 50].

Еще один крупный игрок на геополитическом пространстве Южного Кавказа – Иран. Россию связывают с Ираном тесные экономические связи и взаимопонимание по многим международным вопросам. В пику США Россия поставляла оружие в Иран в 1990-е гг. и осуществила реализацию крупного проекта – строительство ядерного реактора для АЭС в Бушере. С тем чтобы снять любые подозрения в нарушении режима нераспространения ядерного оружия, проект находится под надзором Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ). Что касается иранской ядерной проблемы, то она вызывает озабоченность всего мирового сообщества, в том числе России, из-за угрозы военного конфликта между Ираном, с одной стороны, США и Израилем – с другой. Иран, в отличие от многих стран, с пониманием отнесся к подавлению Россией сепаратистского движения в Чечне, и это с одобрением было воспринято в Москве. В то же время Россия, с 2010 г. участвующая в санкциях ООН против Ирана, ввела эмбарго на поставки ему тяжелого вооружения. Все это подчеркивает глубокую противоречивость проблемы Ирана для России и многих других стран, которые с явным неодобрением относятся к планам США (и Израиля) решить данную проблему силой оружия.

Отношения России с Грузией после распада СССР складывались также весьма противоречиво. При первом президенте Грузии З. Гамсахурдиа они, по сути, не развивались, тем более что националистически настроенный грузинский лидер был решительно против вступления Грузии в СНГ. Его преемник Э. Шеварднадзе пытался договориться с Москвой, прежде всего по вопросам грузино-абхазского урегулирования, но тщетно. Абхазия не собиралась идти на уступки Тбилиси, а Кремль не считал нужным оказывать давление на нее. Разочарованный Шеварднадзе примерно с середины 1990-х гг. начал ориентироваться на США. «Это, – как справедливо пишет Д. Тренин, – привело к ухудшению (но не разрыву) отношений между Россией и Грузией... Когда в ноябре 2003 г. Шеварднадзе был свергнут в результате «революции роз», Кремль не слишком печалился. Однако его беспокоила ситуация неопределенности, возникшая в связи с уходом со сцены лидера-ветерана» [5, с. 139, 140]. На смену Шеварднадзе пришел молодой и горячий М. Саакашвили. Ему удалось вернуть под контроль Тбилиси Аджарию и осуществить серию реформ. Поначалу отношения Тбилиси с Москвой складывались как весьма перспективные. Россия проявляла готовность урегулировать конфликты Грузии с Абхазией и Южной Осетией. Но вскоре последовали ошибки и просчеты грузинского лидера, имевшие явную антироссийскую направленность. «В августе 2004 г. он отдал приказ о проведении полицейской операции по борьбе с югоосетинскими контрабандистами. Дело дошло до вооруженных столкновений. Прежде

Саакашвили мог беспрепятственно приехать в столицу Южной Осетии Цхинвали и поговорить на улице с горожанами. После спецоперации от доброй воли ничего не осталось, и вроде бы угасавший конфликт вспыхнул с новой силой. Путин был в ярости. Он утратил доверие к человеку, которого считал своим партнером. Осенью 2004 г. Саакашвили не раз пытался дозвониться в Кремль, но ответом ему было молчание.

С рейдом грузинских внутренних войск в Южной Осетии закончилась и позитивная интерлюдия в отношениях между Москвой и Тбилиси. В дальнейшем ситуация лишь неуклонно ухудшалась. Особенно прискорбным событием стала скоропостижная кончина в 2005 г. премьер-министра Зураба Жвании – человека рассудительного и вдумчивого. Сдерживать Саакашвили стало больше некому. Москва поставила на нем крест и начала наращивать давление на Тбилиси» [6, с. 140 – 141].

Другим непродуманным шагом Саакашвили явилось его стремление как можно скорее интегрировать Грузию в структуры НАТО. Тем самым грузинский лидер переступил «красную черту» – Москва всегда была решительно против расширения НАТО за счет бывших советских республик. Саакашвили, ориентируясь исключительно на Запад, направил в Афганистан в рамках операции НАТО крупный воинский контингент (по меркам Грузии): пехотный батальон, пехотную роту, медицинский персонал – всего около 950 военнослужащих. В результате Грузия заняла второе место среди стран-партнеров НАТО по численности своего контингента в составе Международных сил содействия безопасности в Афганистане.

Прозападная и антироссийская позиция Саакашвили неизбежно привела к ухудшению отношений между Грузией и Россией. Каплей, переполнившей чашу терпения Москвы, стал публичный судебный процесс в Тбилиси в 2006 г. над несколькими российскими военнослужащими, которых обвинили в шпионаже. «Российские власти, – пишет Д. Тренин, – расценили инцидент как незаслуженное оскорбление. Посол России в Грузии был отозван в Москву. Россия ввела эмбарго на ввоз грузинских вин и минеральной воды, прервала авиационное и морское сообщение с республикой, а также передачу почтовых отправок – в результате грузинские гастарбайтеры утратили возможность переводить домой заработанные деньги» [7, с. 141]. По существу, между двумя странами началась холодная война. А в августе 2008 г. на Южном Кавказе вспыхнул вооруженный конфликт.

Война между Россией и Грузией явилась водоразделом между прежним состоянием дел на Южном Кавказе и новыми реалиями. Неспособность и нежелание Грузии мирным путем разрешить грузино-южноосетинский и грузино-абхазский конфликты создали тупиковую ситуацию. В Тбилиси рассчитывали на блицкриг и на пассивность России (без должных на то оснований). Президент М. Саакашвили явно переоценил возможности влияния США и Евросоюза на Россию. В свою очередь, Южная Осетия и Абхазия настаивали на скорейшем признании их независимости. Однако Россия давно уже сделала свой выбор. Она взяла на себя роль посредника в урегулировании конфликтов на Южном Кавказе, прежде всего из гуманитарных соображений. Попытки мирным путем разрешить противоречия между Грузией и ее бывшими автономиями ни к чему не привели. Но патовая ситуация в этом регионе не могла сохраняться бесконечно долго, все накопившиеся проблемы Саакашвили попытался решить с помощью силы. Это была тщательно продуманная акция, причем в Тбилиси не очень-то заботились о ее последствиях. А последствия оказались тяжелыми – в ходе конфликта в августе 2008 г., по некоторым оценкам, было убито 850 чел., свыше 100 тыс. чел. покинули места своего проживания. Южной Осетии был нанесен большой материальный ущерб. В Москве нападение Грузии на Южную Осетию было воспринято крайне болезненно. Россия вмешалась в конфликт и принудила грузинское руководство отказаться от попыток реванша. Мировое сообщество по-разному отреагировало на события августа 2008 г. Запад, на который давно уже ориентировался Саакашвили, осудил действия Москвы, назвав их актом агрессии. Москва, в свою очередь, считала свои действия абсолютно законными и обоснованными (защита русскоязычного населения Южной Осетии от вооруженной агрессии Грузии). Тут же последовало признание независимости Южной Осетии и Абхазии со стороны России, а вскоре и со стороны некоторых других стран.

Президент Российской Федерации Д. Медведев в выступлении 26 августа 2008 г. подчеркнул, что «грузинское руководство в нарушение Устава ООН, своих обязательств по международным соглашениям, вопреки здравому смыслу развязало вооруженный конфликт, жертвами которого стали мирные люди. Эта же участь ждала Абхазию. Очевидно, в Тбилиси рассчитывали на блицкриг, который поставил бы мировое сообщество перед свершившимся фактом. Был выбран самый бесчеловечный способ добиться своей цели – присоединить Южную Осетию ценой уничтожения целого народа».

Стремление некоторых западных аналитиков изобразить действия России как акт агрессии не имеют под собой должных оснований. Россия на протяжении длительного времени неоднократно

но пыталась урегулировать конфликты на Южном Кавказе, но, к сожалению, ей это не удалось.

В тексте заявления Президента России на этом сделан особый акцент: «Россия проявляла поддержку и терпение. Мы неоднократно призывали вернуться за стол переговоров и не отошли от своей позиции даже после одностороннего провозглашения независимости Косово. Но наши настойчивые предложения к грузинской стороне заключить с Абхазией и Южной Осетией договорённости о непризнании силы остались без ответа. К сожалению, их проигнорировали и в НАТО, и даже в ООН».

Отдельные западные аналитики справедливо оценивают события августа 2008 г. как кульминацию противостояния между Россией и Грузией, когда холодная война между ними переросла в реальный конфликт. Так, научный сотрудник Международного института стратегических исследований (Лондон) О. Антоненко считает действия грузинской стороны спланированными заблаговременно: «В течение нескольких недель накануне 7 августа грузинские войска готовились к войне... Когда я посетила Грузию в июле, ожидания приближающейся войны были широко распространены как среди грузин, так и международных обозревателей. Мало кто сомневался, что это будет российско-грузинская война. Москва неоднократно и открыто предупреждала Тбилиси, что готова вмешаться для защиты жителей Южной Осетии, которых она рассматривала как российских граждан» [9, с. 23]. Но руководство Грузии игнорировало эти предупреждения в расчете на блицкриг и на то, что Россия не посмеет вмешаться. Грузинские войска атаковали не только Цхинвал, но и российских миротворцев, которые находились в Южной Осетии с 1994 г.

Война приняла скоротечный характер: 10 августа российские войска выбили грузинские части из Цхинвала. К тому времени Россия уже имела в Южной Осетии 10 тыс. военнослужащих и более 150 единиц боевой техники. Одновременно в Абхазии были размещены около 9 тыс. солдат и офицеров. По существу, был создан второй фронт в противостоянии России с Грузией. С точки зрения России, ее действия были абсолютно обоснованными, призванными обеспечить не только защиту русскоязычного населения Южной Осетии, но и стратегические интересы в Закавказье. Впервые после окончания холодной войны Россия действовала решительно и бескомпромиссно и продемонстрировала свою военную мощь. Это получило соответствующую оценку на Западе, который давно уже отвык от того, что Россия – суверенная и великая держава. Что касается последствий этой скоротечной войны, то они не поддаются точному прогнозу. Россия разрубила гордиев узел, казалось бы, неразрешимых противоречий. Она воспользовалась прецедентом Косово и поступила так же, как раньше поступил Запад в отношении независимости этого в прошлом автономного края в составе Сербии. К тому же интересы России требовали должного обеспечения безопасности ее южных рубежей с учетом, в частности, стремления Грузии вступить в НАТО и благосклонности Запада относительно таких намерений грузинского руководства.

После августовского конфликта в отношениях между Россией и Грузией вновь воцарилась атмосфера холодной войны. Режим Саакашвили не признал независимость Южной Осетии и Абхазии, более того, в Тбилиси был принят закон «Об оккупированных территориях». Этот закон, по сути, объявляет блокаду бывших грузинских автономий, в частности запрещается вся экономическая деятельность Абхазии и Южной Осетии. Исключения могут быть сделаны при наличии специальных разрешений и при условии, что такая деятельность соответствует «национальным интересам Грузии, целям мирного урегулирования конфликтов, прекращения оккупации, укреплению доверия или гуманитарным целям».

Каковы же перспективы урегулирования конфликтов на Южном Кавказе?

Вплоть до октября 2012 г., т.е. до парламентских выборов в Грузии, на которых партия Саакашвили «Единое национальное движение» потерпела поражение, таких перспектив практически не было. С одной стороны, резкое охлаждение отношений между Москвой и Тбилиси не давало шансов на какой-нибудь диалог. Россия сделала свой выбор в августе 2008 г. и не собирается от него отступать. С другой стороны, непризнание Грузией независимости Южной Осетии и Абхазии заводит ситуацию в тупик. Трудно сказать, какие действия в отношении этих самопровозглашенных республик предпримет новый премьер-министр Грузии Б. Иванишвили, но, несомненно одно – необходимы новые нестандартные подходы и отказ от стереотипов прошлого.

Что касается Южной Осетии и Абхазии, то для них главное – это подъем экономики и инфраструктуры. Без инвестиций (прежде всего российских) этого не сделать. Россия активно участвует в восстановительных процессах в Абхазии и Южной Осетии, укрепляя тем самым свое стратегическое и политическое влияние на Южном Кавказе. Она по-прежнему играет важную роль посредника в урегулировании постконфликтных ситуаций в Закавказье, и эта роль не под силу другим державам. Таким образом, улучшение отношений Грузии со своими бывшими автономиями возможно лишь посредством улучшения ее отношений с Россией. Новое руководство Грузии, видимо, это понимает и готово

вести диалог с Москвой. Насколько этот диалог будет продуктивным, покажет время.

Война в Закавказье в августе 2008 г., как и более ранний кризис в Косово, обнажили острую проблему суверенитета и территориальной целостности страны. В условиях XXI в. и возросшей роли гуманитарного измерения происходит переоценка этих, казалось бы, прочных стереотипов. Права человека не только в идеале, но и на практике должны занимать центральное место в числе приоритетов государства, и следует признать, что если государство не в состоянии обеспечить волеизъявление и свободы граждан, то такое государство несостоятельно. За примерами далеко ходить не надо – СССР и Югославия в 1990-е гг.

Уроки войны в августе 2008 г. разнообразны и не поддаются точному подсчету. Один из них заключается в том, что возврат конфликтующих сторон в прошлое невозможен. В равной степени бесперспективны попытки разрешить острые этнополитические кризисы силовым путем. Западные аналитики считают, что Россия потерпела фиаско в реализации плана широкого международного признания Абхазии и Южной Осетии. Более того, они заявляют, что «в сложившейся ситуации (т.е. после августа 2008 г. – А.И.) России стало труднее добиваться своих целей на международной арене» [9, с. 6]. Неразрешенные до конца конфликты являются «камнем преткновения в двусторонних отношениях России с США, Евросоюзом, странами – членами ЕС. Конфликты вокруг Грузии создают помехи для проведения российской политики по реформированию ОБСЕ» [10, с. 7].

С такой оценкой позиции России трудно согласиться. Конфликты на юге Кавказа при всей их значимости и остроте не могли, да и не могут повлиять решающим образом на отношения России с внешним миром. «Перезагрузки» отношений России с США никто не отменял. Отношения России с Евросоюзом развиваются позитивно независимо от событий на Южном Кавказе и даже мирового экономического кризиса. Что касается реформирования ОБСЕ, то это давно назревший вопрос, и его надо решать параллельно с вопросом создания системы европейской безопасности в рамках широкого диалога всего европейского сообщества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Маркедонов С.* Региональные конфликты: перезагрузка. URL: <http://caucasica.org/analytics/detail.php?ID=1396> (дата обращения 23.11.2012).
2. *Гасанлы Дж.* Новая геополитическая ситуация в Черноморско-Каспийском регионе после августа 2008 г. // Черноморье – Каспий: поиск новых форматов безопасности и сотрудничества. М., 2011.
3. *Тренин Д.* POST-IMPERIUM: евразийская история. М., 2012.
4. *Арешев А.Г.* «Внешний фактор» на Кавказе и российско-армянское сотрудничество // Россия и Армения: перспективы углубления стратегического партнерства (Москва, 12 марта 2010 г.): материалы круглого стола / под ред. Д.А. Александрова. М., 2010.
5. *Тренин Д.* Указ.соч.
6. Там же.
7. Там же.
8. *Antonenko O.* A war with no winners // *Survival*. 2008. Vol. 50. №. 5. October – November.
9. *Чаран С., Вельт К.* План первоочередных шагов по преодолению последствий грузинских конфликтов // Аналитические доклады. М., 2011. Вып. 3 (27).
10. Там же.